

Цзян Цзянь произнес эти слова, после чего зашагал в класс.

Вскоре он вышел обратно, остановился у дверного проема, и вслед за ним один за другим появились Ли Тяньян и его приятели.

Завидев Вэнь Чжо, Ли Тяньян тут же вознамерился подойти и заговорить с ней, но Цзян Цзянь заступил ему дорогу.

Преградив путь за счет своего явного превосходства в росте, он бросил холодным тоном:

— Ты что, не расслышал, что было сказано только что?

Вэнь Чжо испугалась, инстинктивно вжав голову в плечи — со стороны это выглядело так, будто она прячется за спиной Цзян Цзяня.

От Цзян Цзяня исходил мощный, давящий напор. Стоило ему встать здесь, как даже отличавшийся крайне буйным нравом Ли Тяньян уже не смел безрассудно лезть вперед.

В конце концов Ли Тяньян удалился сожранный изнутри нескрываемым разочарованием. Последними из класса вышли Чэн Лулу и Би Тун.

У Чэн Лулу покраснели глаза. Повернувшись к Цзян Цзяню, а затем переводя взгляд на стоявшую за его спиной Вэнь Чжо, она заговорила:

— Я не со зла. Просто хотела помочь хорошему делу.

Би Тун всё еще не остыла от гнева:

— С чего ты вообще взяла, что это хорошее дело? Ты спрашивала мнения Вэнь Чжо?

Услышав свое имя, Вэнь Чжо украдкой выглянула наружу.

Чэн Лулу искренне обратилась к Вэнь Чжо:

— Вэнь Чжо, прости меня. Изначально я просто хотела пошутить — такое ведь сплошь и рядом случается. Я никак не ожидала, что ты отнесешься к этому так болезненно. Я извиняюсь перед тобой, правда, прости меня.

Заметив ее распухшие красные глаза и жалкий вид человека, готового расплакаться, Вэнь Чжо тоже почувствовала жалость.

Та утверждала, что это была всего лишь шутка, ведь шутить свойственно только друзьям. Вэнь Чжо спросила:

— Ты хочешь со мной дружить?

Чэн Лулу на секунду замерла, а затем закивала:

— Мы можем стать друзьями? Ты сможешь меня простить? Я правда не со зла.

— Ладно.

Никто не знал, как сильно Вэнь Чжо жаждала обрести друзей.

Ей даже казалось, что завести новых товарищей в новом классе и новой обстановке гораздо важнее, чем переживать то, что только что произошло в помещении, поэтому она так легко дала свое прощение.

Лицо Чэн Лулу озарилось радостной улыбкой.

— Ее слова ничего не значат.

Однако в этот момент неожиданно подал голос Цзян Цзянь. Холодно глядя на Чэн Лулу, он произнес:

— Староста, сегодняшнее происшествие не так просто. Намеренно всё это было или нет, иди объясняй классной руководительнице.

— Цзян Цзянь... — Чэн Лулу тут же расплакалась. Казалось, она испытывала смесь неверия и обиды, но сильнее всего в ней сквозил страх.

— Чэн Лулу, — стоя спиной к свету, падающему из классной комнаты, и с бесстрастным, погруженным во мь и неразличимым лицом, Цзян Цзянь спокойно произнес ее имя. — Совершив ошибку, отделаться одними извинениями недостаточно — придется нести и последствия. Ты ведь не думала, что удастся отсидеться, просто попросив прощения?

Он больше не казался тем привычным хорошим учеником со счастливой улыбкой на лице и легким в общении характером; напротив, он превратился в безжалостного и холодного человека, отталкивающего окружающих за версту.

Повернувшись к Вэнь Чжо, он велел:

— Иди на свое место.

Тон его был непривычно мягким. Вэнь Чжо втянула шею: она понимала, что тут назрел конфликт между ними, в который ей лучше не вмешиваться, поэтому поспешно вернулась за парту.

Усевшись на место, она словно вновь оказалась в безопасной гавани и шумно выдохнула.

В классе царил абсолютная тишина: все уткнулись носами в учебники, и казалось, будто только что разыгравшейся драмы вовсе не было.

— Прости, Вэнь Чжо, я-то думала... — сидевшая впереди Фань Юнь повернулась к ней и виновато зашептала: — Раньше он уже приходил за тобой, и я решила, что у вас и впрямь всё складывается отлично. Знала бы я, что ты против — ни за что не дала бы этому случиться и сразу бы вмешалась.

Вэнь Чжо покачала головой и ответила:

— Ничего страшного.

Независимо от того, подшучивали ли над ней или неверно истолковывали ее отношения с Ли Тяньянем, Вэнь Чжо никого не винила — она ненавидела лишь зачинщика всей этой истории, Ли Тяньяня.

Первый вечерний урок перевалил за половину, когда Цзян Цзянь и Би Тун наконец вернулись, а Чэн Лулу отсутствовала до самого конца.

По возвращении домой первым делом Вэнь Чжо схватила телефон и удалила Ли Тяньяня из контактов.

Он прислал ей массу сообщений, но Вэнь Чжо не открыла ни единого.

Когда же ей пришла от него новая заявка в друзья, она немного подумала и отправила его в черный список.

Наверное, ей следовало поступить так уже давно, но до сегодняшнего вечера у нее просто не хватало на это решимости.

За ужином Вэнь Чжо рассказала родителям о том, как у нее чуть не начался приступ, но отец уже успел созвониться с классной руководительницей и во всем разобраться.

То, что Вэнь Чжо теперь могла справиться с приступом самостоятельно, силой воли, не прибегая к лекарствам, было огромным прогрессом.

Вэнь Цзунъюань сказал:

— Больше всего на свете мы с мамой хотим, чтобы ты росла здоровой и крепкой. А еще ты должна научиться защищать себя: если чувствуешь малейший дискомфорт, всегда ставь собственные ощущения на первое место и гони прочь всё, что приносит тебе боль. Если не справляешься сама — обязательно говори нам, мы во всем поможем разобраться, договорились?

Вэнь Чжо усердно закивала.

Приняв вечерний душ, Вэнь Чжо достала дневник и записала всё, что произошло за день.

И хотя признание Ли Тяньяня в микрофон доставило ей немало мучений, последовавшее за этим ощущение умиротворения и покоя, словно на затерянном в океане острове, оказалось невероятно светлым и радостным — ей непременно нужно было запечатлеть эти мгновения на бумаге.

Уснув, она в одиночестве шагнула в пустой класс, окутанный плотной пеленой черного тумана.

Вэнь Чжо охватила тревога. Оглянувшись, она с удивлением увидела, что прежде пустая аудитория битком набита людьми, а сама она почему-то стоит на возвышении у учительского стола.

Все ученики в упор смотрели на нее взглядами, полными изумления, омерзения и злорадства.

Молодая преподавательница сидела за кафедрой, бросив на Вэнь Чжо презрительный косой взгляд:

— Такая кроха, а уже с пеленок лжет — вырастет настоящим отребьем общества.

Вэнь Чжо хотелось завизжать от ужаса, ноги ее отчаянно заныли и затряслись в инстинктивном порыве броситься наутек, а накотивший страх накрыл с головой, словно девятиметровый вал.

Картинка перед глазами закружилась в калейдоскопе: незнакомые и знакомые лица сменяли друг друга одно за другим, и в их глазах читались то изумление, то жалость, то открытое пренебрежение.

Стоило им лишь взглянуть на нее — открывать рот даже не требовалось, — как Вэнь Чжо

начинала задыхаться, словно ее медленно топили в пучине.

Горько рыдая, она неслась вперед, изо всех сил цепляясь за шанс спастись.

И в самый разгар этого безумного бега она внезапно врезалась во что-то крепкое, но излучающее тепло, из-за чего была вынуждена остановиться.

Следом тот, с кем она столкнулась, повернулся к ней лицом, и Вэнь Чжо сквозь пелену слез попыталась разглядеть его черты.

<http://bllate.org/book/20892/2112129>